

Рассоха Марина Николаевна

ДИСКУРС О ЯЗЫКЕ: ВЫРАЖЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается феномен коллективной языковой идентичности и способы ее конструирования в дискурсе о своем и чужом языке. Прослеживается взаимосвязь между жанровыми разновидностями дискурса о языке и степенью проявления языкового самосознания сообщества людей. Автор приходит к выводу, что при сохранении модели идентификации каждый из речевых жанров дискурса о языке отличается вербальными способами и средствами выражения коллективной языковой идентичности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 149-152. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.42

Филологические науки

В статье рассматривается феномен коллективной языковой идентичности и способы ее конструирования в дискурсе о своем и чужом языке. Прослеживается взаимосвязь между жанровыми разновидностями дискурса о языке и степенью проявления языкового самосознания сообщества людей. Автор приходит к выводу, что при сохранении модели идентификации каждый из речевых жанров дискурса о языке отличается вербальными способами и средствами выражения коллективной языковой идентичности.

Ключевые слова и фразы: коллективная языковая идентичность; дискурсы языковых сообществ; дискурс о языке; речевые жанры дискурса о языке; модель идентификации.

Рассоха Марина Николаевна, к. филол. наук, доцент
Дальневосточный федеральный университет
mrassokha@gmail.com

ДИСКУРС О ЯЗЫКЕ: ВЫРАЖЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ[©]

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (НИР:1466.2015 «Процессы межкультурной коммуникации в Азиатско-Тихоокеанском регионе: междисциплинарный подход»).

Формирование дискурсов языковых сообществ обусловлено целями их социальных практик. Отсюда разный характер дискурсивной деятельности и различный репертуар дискурсов в отдельных лингвокультурах. Устанавливается прямая зависимость между разнообразием дискурсов, актуальностью их тематики, объемом и плотностью дискурсов и конструированием основных видов коллективной идентичности – этнической/национальной, политической, религиозной и языковой. Для формирования дискурсов, в которых выражается коллективная идентичность, также крайне важен хронологический фактор, то есть время появления конкретного дискурса и продолжительность его бытования, например, становление наций в новое и новейшее время обусловило появление дискурсов, среди которых важнейшую роль в консолидационных процессах стал играть дискурс о своем языке.

В целом, исследуя дискурс, прежде всего следует учитывать, что он является сложным единством языковой формы, значения и действия [2]; последнее связано с тем, что дискурс отражает определенный тип социальной активности человека [4, с. 525]. Таким образом, конкретный дискурс будет связан с определенным коммуникативным поведением, включающим отбор языковых средств, создание прецедентного фонда данного дискурса в виде текстов, имен авторов и т.д. С точки зрения появления, становления и закрепления разных типов дискурсов за отдельными социальными практиками вербальная деятельность языковых сообществ может рассматриваться в разных аспектах. В данной статье нас интересует то, как группы говорящих определяют свой язык и язык других коллективов, то есть речь пойдет о дискурсе о своем и чужом языке и выражаемой в данном дискурсе коллективной языковой идентичности. Под коллективной идентичностью имеется в виду идентичность группового субъекта, например, этнической языковой группы, нации или, скажем, профессионального или религиозного сообщества.

Дискурс о своем языке следует отнести к идентифицирующим дискурсам, появление которых отражает формирование языкового самосознания представителей отдельной лингвокультуры, т.е. осознание «своего единства и отличия от других подобных образований» [1, с. 58]. Являясь, по терминологии Т. Г. Стефаненко, «этнодифференцирующей характеристикой» [7, с. 29], язык в силу того, что он онтологически выражает «дух народа», непременно должен ощущаться как *свой* собственный язык, поэтому каждый этнос развивает особый дискурс, в котором он *отождествляет* себя со своим языком. На этой основе складывается языковая идентичность, которая в целом понимается как результат присваивания коллективом (коллективная языковая идентичность) или индивидуумом (индивидуальная языковая идентичность) языка в процессе его использования и языковой рефлексии над речевыми операциями с ним. По сути, процесс сводится таким образом к осознанию себя как пользователя языка и пониманию своей языковой принадлежности. Содержательно языковая идентичность базируется на отношении к своему языку, «представлениях говорящих о том, на каком языке они говорят» [5, с. 94].

Устанавливая связь со своим языком, коллектив дает ему определение, как правило, крайне позитивное, которое должно стать ключевым ориентиром лингвокультуры. Дискурс о языке и его содержание в целом определяются следующими параметрами: существующими *представлениями* о своем языке в данном сообществе (они, в частности, могут сводиться к неким сжатым формулировкам, например, *великий и могучий, Queen's English* и другие); *коммуникативными практиками*, воспроизводящими и поддерживающими эти представления, иными словами, социокультурно обусловленным метаязыковым поведением представителей языковой группы; и, наконец, текущей *языковой политикой*, основывающейся в ряде примеров на крайне политизированной риторике, призванной изменить, упрочить и т.д. статус языка данного сообщества. В этом случае к языку обращаются как к социополитическому ресурсу, прибегая к которому можно сплотить общество,

выстроить единое культурное пространство или, напротив, использовать его в качестве инструмента политического давления, вплоть до самых глубоких общественных трансформаций.

В целом, если опираться на содержание, формальные признаки и функционально-стилевые особенности, дискурс о языке представлен в культурах в основном тремя речевыми жанрами: строго научный дискурс, реализуемый в первую очередь в виде текстовых произведений, создаваемых лингвистами о языке как о научном объекте; помимо этого в культурах существует ненаучный (наивный) дискурс о своем языке, авторами которого являются обычные пользователи языка; промежуточное положение между ними занимает научно-популярный дискурс. Он имеет своей целью популяризировать научные знания о языке коллектива, привлечь общественное внимание к вопросам бытования языка, языковой экологии, поставив на повестку дня, скажем, вопросы о норме, о чистоте языка, заимствованиях и тому подобное. Объем каждого вида дискурса зависит от исторического и социокультурного контекста, в котором возникают условия для обсуждения особенностей своего языка, его статуса, и в конечном итоге возникает необходимость прибегнуть к определенной языковой политике.

Сразу подчеркнем, что в отличие от научной традиции описания своего языка, которая, как правило, отсутствует в примитивных сообществах или может быть очень скромно представленной даже в некоторых современных культурах, практически в каждой лингвокультуре имеется наивный дискурс о языке. Он является исторически более ранним, и важно, что в нем присутствуют такие существенные для языковой идентификации составляющие, как аксиологическая и эмоциональная. В этой связи В. Б. Кашкин отмечает, что наивный пользователь, размышляя о языковых процессах, полагает, что есть правильные и неправильные, красивые и некрасивые, трудные и легкие языки, что их собственный язык – самый красивый, правильный и ясный. К примеру, более 90% русскоязычных респондентов при анкетировании признают русский язык наиболее красивым, правильным, точным [3]. Именно в наивном дискурсе создаются, циркулируют и оседают вербальные знаки, определяющие свой язык и передающие отношение к нему. Так, по данным И. А. Стернина, в ассоциативное поле стимула *русский язык* у русскоговорящих входят следующие наиболее частотные определения (по степени убывания): красивый, богатый, трудный, родной, великий, интересный, сложный, хороший, любимый, могучий [6, с. 236]. Кроме того, в наивном дискурсе о языке также со временем образуются идиоматический и паремический слои, которые фиксируют сложившиеся в лингвокультурах представления о сложности своего или чужого языка (*язык сломаешь, говорить на разных языках*), о трудности других языков (*китайская грамота, It's all Greek to me!*), о приемлемом или неприемлемом коммуникативном поведении (*молоть языком, найти общий язык*) и тому подобное. Данные обыденные представления, оценки и суждения и являются примерами вербальной реализации языковой идентичности обычного пользователя языка. Они осваиваются в процессе социализации в данном языковом сообществе и становятся арсеналом, к которому прибегают при метаязыковом комментировании. Известные каждому члену группы/коллектива вербальные знаки такого рода указывают на единую коллективную языковую идентичность.

Обратимся к конкретным примерам научного, научно-популярного и наивного дискурсов, в которых проявляется коллективная языковая идентичность. Иллюстративными примерами послужат образцы дискурсов, характеризующие американскую лингвокультуру. Чтобы конкретизировать элементы сравнения, обратимся к текстам, в которых описываются особенности произношения носителей американского варианта английского языка.

В качестве примера научного дискурса приведем отрывок из главы *American English and its distinctiveness*, написанной Э. Финеганом [8]. Раздел входит в академический труд *Language in the USA. Themes for the Twenty-first Century* под редакцией Э. Финегана и Р. Рикфорда:

AmE generally pronounces /r/ when it occurs after a vowel in the same syllable (car, sure, card, beard, motor, later). That makes it a "rhotic" variety. By contrast, some British dialects have lost /r/ in such words and are "non-rhotic". In the dialects of metropolitan New York City, eastern New England, and some southern Atlantic coastal areas, /r/ is variably dropped. That means some social groups drop it more frequently than others and more so in some registers than others. The catch phrase "Pahk the cah in Hahvad Yahd" lightly captures the r-lessness of eastern New England, which in this regard resembles BBC English and some other British dialects [Ibidem, p. 23]. /

В американском английском /r/ обычно произносится, если он стоит в том же самом слого после гласного (*car, sure, card, beard, motor, later*). Таким образом, американский английский является «ротическим» вариантом английского языка. В то же время, британские диалекты, утратив /r/ в этих и других словах, являются «неротическими». В диалектах Нью Йорка, восточной Новой Англии и регионов южноатлантического побережья /r/, как правило, вокализуется. При этом, представители некоторых социальных групп имеют тенденцию вокализировать /r/ гораздо чаще, чем другие, особенно это касается ряда речевых регистров. Известная фраза "Pahk the cah in Hahvad Yahd" достаточно ярко иллюстрирует «ротичность» восточного диалекта Новой Англии, напоминающего в этом плане английский Би-би-си и некоторые другие британские диалекты.

Научный дискурс представлен как рационально организованное высказывание. Прежде всего, он характеризуется своим метаязыком, описание детализировано, языковые особенности строго локализованы по регионам. Кроме того, для лингвиста важно отметить, что произносительные особенности в качестве языковых характеристик привязаны к социолоктам. Научный дискурс, как было указано выше, имеет тенденцию исключать эмоциональный компонент и оценочную информацию как признак субъективности. Действительно, весь раздел (около пяти страниц), посвященный произносительным особенностям американского варианта английского языка, содержит фактически только одну фразу, которая в какой-то мере выражает эмоциональную оценку:

Some pronunciation features of AmE are so well known as to be stereotyped [Ibidem, p. 23]. / Некоторые производительные черты американского английского настолько хорошо известны, что превратились в стереотипы.

Объективность текста достигается также за счет того, что автор, описывая язык, достаточно редко обращается к его носителям и их характеристике. Встретились только следующие примеры:

In pronouncing I'm, AmE speakers generally monophthongize the diphthong... Only seldom – and principally from older Americans – would you hear the pronunciations “tyune” and “dyuty” or “choon” and “jewty”, as in some varieties of BrE [Ibidem]. / Произнося I'm, носители американского английского обычно монофтонгизируют дифтонг... Очень редко и преимущественно у американцев старшего поколения вы услышите произношение “tyune” and “dyuty” or “choon” and “jewty”, как в некоторых диалектах британского английского.

Текст построен таким образом, что в большинстве случаев в качестве агенса выступает сам язык или его лингвистические черты: *AmE stresses the first syllable... / Американский английский ставит ударение на первый слог; AmE usually omits and BrE usually preserves /h/ / американский английский обычно опускает, а британский английский как правило сохраняет /h/; Some American dialects have the vowel... / Некоторые американские диалекты имеют гласный...; the vowel shifts...create considerable variation in AmE / сдвиги гласных создают значительную вариативность в американском английском* [Ibidem]. Наряду с этим отметим также широкое использование пассивных конструкций: *In the dialects... /r/ is variably dropped. / В диалектах /r/ иногда не произносится; They are pronounced alike... / они произносятся одинаково* [Ibidem].

Использование указанных приемов позволяет дистанцировать язык от носителя, максимально объективировать его описание. Научный дискурс, таким образом, ориентирован в первую очередь на исследование и описание лингвистических характеристик языка. Если же необходимо обратиться к носителю языка, то он скорее будет представлен в виде коллективного говорящего, имеющего сугубо нейтральные характеристики. Необходимо также отметить, что в структуре социальной коммуникации общества научный дискурс – достаточно закрытая дискурсивная система. Она рассчитана на специалистов и используется в сфере науки и образования. В то же время нередко данными научных текстов пользуются авторы, создающие научно-популярный дискурс.

Примером научно-популярного дискурса может послужить работа Аллана Меткалфа *How We Talk: American Regional English Today* [10]. Обратимся к отрывку, также описывающему американское произношение:

There are significant pronunciation differences too. Americans have many different ways of pronouncing their vowels and consonants, but it's a rare American, for example, who would say hot, pot, or dog with the rounded lips and deep-throated vowel of the British. And Americans have a distinctly un-British way of pronouncing “t” – when it comes in the middle of a word...<...> How does it happen that we speak differently than the people in the land that gave us our language? [10, с. viii]. / Существуют также значительные расхождения в произношении. Американцы имеют многочисленные способы произношения своих гласных и согласных, но редкий американец скажет, например, *hot, pot, или dog*, используя горловые гласные или округляя губы. Американцы также совершенно “небританским” способом произносят “t” в середине слова ...<...>. Как же так случилось, что мы говорим по-другому, отличаясь от жителей той страны, которая дала нам наш язык?

Сразу отметим, что научно-популярный дискурс стремится избежать специальных терминов, например, описывая особенности произношения, фонетист скорее воспользуется терминами *bilabial* и *backlingual* вместо *say with the rounded lips and deep-throated vowel*. Кроме того, научно-популярный дискурс, в отличие от научного, широко апеллирует к носителю языка. Последнее достигается путем применения активных конструкций, в которых в качестве агенса выступают пользователи языка: *Americans have many different ways of pronouncing...; a rare American would say...; Americans have a distinctly un-British way...* [Ibidem]. Делая акцент на носителе языка, А. Меткалф фактически превращает его в коллективного соавтора текста: *How does it happen that we speak differently than the people in the land that gave us our language?* [Ibidem] (*выделение наше*). Коллективная идентичность, как видим, создается также за счет того, что используется инклюзивная семантика местоимений *we, us*, которая наиболее акцентно в данном контексте проявляется в словосочетании *our language*. Следует также обратить внимание на подчеркивание различий между британским и американским произношением в качестве базового приема описания языка.

Данный прием становится основным средством характеристики производительных особенностей в американском наивном дискурсе о своем языке. В целом, модель идентификации американский vs. британский английский является одной из наиболее рекуррентных в дискурсе о языке американцев. Она может получить различное смысловое наполнение в дискурсе повседневности наивных пользователей, но, как правило, сопровождается яркой эмоциональной оценкой, например: *Eddie tells people about me and it's amazing the impression the English accent makes on Americans* [11, p. 395]. / Эдди представляет меня, и просто поразительно, какое впечатление производит на американцев мой британский акцент.

Весьма характерно, что в примерах чаще всего высказывается общее впечатление о британском произношении, наивный пользователь языка практически не обращает внимание на детали, как например, произношение отдельных звуков. Особенности акцента характеризуются, как правило, в общем через эмоционально-оценочную лексику, как это видно из разговора между помощником редактора (американкой) и редактором (англичанином) о писательнице-англичанке: *She'll be on the phone to me night and day with that prissy accent of hers.* – ‘You mean English.’ – ‘Yeah.’ – ‘Like mine.’ – ‘No, Yours is kinda cute. Pompous. Snotty. But cute.’ ... [Ibidem, p. 93]. / Она будет звонить мне днем и ночью, говоря на своем напыщенном английском. – Ты имеешь в виду британский английский. – Да. – Как у меня. – Нет, твой английский довольно приятный. Слегка манерный, слишком правильный. Но приятный.

Наивный дискурс о языке в отличие от двух других речевых жанров данного дискурса локализуется в основном в устной речи. Его образцы попадают в художественные произведения и служат для передачи существенной характеристики коммуникативного поведения персонажей. При этом интересно отметить общую тенденцию положительно оценивать британское произношение в американском наивном дискурсе о языке: *The Americans in his office took to him... Eddie ...played the ambitious young publishing wannabe – with the added attraction of an English accent ...* [Ibidem, p. 28]. / Американские коллеги полюбили его... Эдди... был амбициозным молодым редактором, к тому же обладавшим еще одним преимуществом – британским акцентом

или: *he looks forward ...to being complemented on his accent by anonymous telephonists, to being an object of interest simply by virtue of being British* [9, p. 21]. / он предвкушал, что неизвестные телефонистки будут говорить ему комплименты по поводу его акцента, что люди будут проявлять к нему интерес только потому, что он британец. Крайне важно, что массовая литература таким образом закрепляет модели дискурсивного поведения, формируя отношение американцев к языку *Другого*, в данном случае, носителей британского английского.

Подводя общий итог, можно отметить, что с точки зрения содержания дискурс о своем языке – это дискурс языковой дифференциации. Его функция заключается в том, чтобы выявить и закрепить языковые отличия членов данного сообщества от других языковых сообществ, то есть в целом обозначить границы языковой идентичности коллектива.

Как видим, примеры из американского научного, научно-популярного и наивного дискурсов о языке – это разные продукты речевой деятельности, прежде всего отличающиеся метаязыком описания объекта – *своего* и *чужого* английского языка. Для формирования коллективной языковой идентичности важно наличие всех трех видов дискурсов языковой идентификации. Они создают и фиксируют общие представления о своем и чужом языке, играя решающую роль в том, какой характер приобретает коллективная языковая идентичность. Несмотря на то, что каждый из видов дискурса развивает свой метаязык описания, они сохраняют неизменной базовую модель языковой идентификации: американский vs. британский английский, которая сложилась около трехсот лет тому назад. Кроме того отметим, что все три вида дискурса о языке связаны с разной социальной активностью. Только отдельные представители языкового сообщества являются авторами и создателями научного и научно-популярного дискурсов, в то время как практически все члены сообщества являются участниками наивного ненаучного дискурса, что и составляет основу их коллективной языковой идентичности. В то же время роль отдельных представителей и авторов научного и научно-популярного дискурсов огромна. Именно они, являясь выразителями общих настроений, зачастую задают вектор идентификации, определяя характер коллективной языковой идентичности и облекая ее в яркую и точную вербальную форму.

Список литературы

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контакты [Электронный ресурс] // Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж, 2002. Вып. 3. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kashkin-02.htm> (дата обращения: 20.03.2015).
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
5. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с.
7. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2007. 368 с.
8. Finegan E., Rickford R. Language in the USA. Themes for the Twenty-first Century. Cambridge: CUP, 2005. 502 p.
9. Lodge D. Changing Places. N.Y.: Penguin Books, 1992. 251 p.
10. Metcalf A. A. How We Talk: American Regional English Today. Boston-N.Y.: Houghton Mifflin Co., 2000. 206 p.
11. Upcher C. The Asking Price. London: Orion Books Ltd., 2000. 401 p.

DISCOURSE ON LANGUAGE: EXPRESSION OF COLLECTIVE LINGUISTIC IDENTITY

Rassokha Marina Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Far Eastern Federal University
mrassokha@gmail.com

The article considers the phenomenon of the collective linguistic identity and the methods of its construction in the discourse on a native and a foreign language. The relationship between genre varieties of the discourse on a language and the degree of expression of the people's community linguistic identity is traced. The author concludes that if the model of identification is preserved, each of the speech genres of the discourse on a language is different by the verbal methods and means of expression of the collective linguistic identity.

Key words and phrases: collective linguistic identity; discourses of language communities; discourse on language; speech genres of discourse on language; model of identification.